

ХИРОКО НАКАМУРА:

Секрет останется секретом

Культура. - 1998. - 18-24 июня. - с. 13

Бывший вундеркинд — она стала выступать в возрасте восьми лет, известная пианистка, лауреат первой премии шопеновского конкурса, педагог, благотворитель и многоопытный член жюри. На Конкурсе Чайковского, например, заседает уже в четвертый раз. Десять лет назад свои впечатления о нашем конкурсе претворила в книгу, которая до сих пор остается доступной только японскому читателю. С этой книги мы и начали нашу с ней беседу.

— Госпожа Накамура, вы участвовали в работе жюри многих конкурсов, но только один вызвал у вас желание написать книгу. Опыт члена жюри Конкурса Чайковского какой-то особенный?

— Желание, чтобы я написала книгу, возникло сразу у нескольких японских издателей, причем им было совершенно все равно, о чем она будет, мне предлагали написать даже о японской кухне. Не уверена, что мои труды увенчались бы таким успехом, выбери я кулинарную тематику. Книга принесла мне престижнейшую премию, ежегодно присуждаемую в Японии за достижения в литературе документально-публицистических жанров, — я получила пять тысяч долларов и золотые часы, которые в данный момент показывают московское время. Она действительно стала бестселлером, и я абсолютно уверена в том, что все японские музыканты, приехавшие на конкурс, ее читали.

Название с трудом поддается переводу — это что-то вроде "Наблюдая Конкурс Чайковского", но в нем в какой-то степени содержится ответ на вопрос, почему я обратилась к этому предмету. Наблюдать по своей воле будешь только то, что тебе интересно, не так ли? Мне посчастливилось наблюдать ход истории. Конкурс молодых талантов с солидной государственной поддержкой, задуманный как очередное доказательство торжества коммунистической идеи — следующее после сенсационного запуска спутника, на моих глазах вместе с государством у-

рачивал эту идею. В книге описаны только два конкурса. Седьмой — 82-й год, эпоха Брежнева, и Восьмой — 86-й, перестройка. Это уже контрастные впечатления. А потом у меня был еще Девятый — 90-й год, страна жила в предощущении краха коммунизма, и вот теперь — Одиннадцатый, год 98-й, ваша страна стала свободной.

— Как, по вашему мнению, эта свобода отразилась на престиже конкурса?

— Конкурс Чайковского, безусловно, сохраняет свой авторитет. А то, что уровень участников нестабильно, наверное, закономерно. Возможно, это связано и с тем, что вы стали доступнее. Свобода, которой достигла ваша страна, очень многое изменила в музыкальном мире. На него нахлынула новая волна ваших музыкантов — они открывают школы, преподают, дают мастер-классы и в который уж раз утверждают традиции русской исполнительской школы. Они — словно садовники, сажающие семена, из которых потом повсюду вырастут замечательные цветы. Открытость границ — это прекрасно. Из-за того, что они были закрыты, я, например, не смогла осуществить свою заветную мечту — учиться в Московской консерватории.

— Почему вдруг возникла эта мечта?

— Я начала учиться игре на фортепиано в послевоенные годы. Не было хороших инструментов, не было хороших педагогов, не было ориентиров. Мне пришлось слушать европейских пианистов, но все они были уже в

возрасте, и их игра не производила сильного впечатления. И вдруг приезжает Оборин, а еще через какое-то время — Эмиль Гилельс. Гилельс меня буквально нокаутировал — это была фантастика, впечатление — сродни шоку.

Тут я и захотела в Москву. Но об этом нечего было и думать — отношения между СССР и Японией были еще очень напряженными.

Я побывала у Гилельса на мастер-классе. После занятий он сказал, что в Москве будет учрежден международный конкурс и что ему хотелось бы видеть на нем молодых японских музыкантов... И вот что интересно, через два года после этой встречи и через год после того, как состоялся Первый конкурс Чайковского, я отправилась в Нью-Йорк в Джульярдскую школу, где стала заниматься у педагога только что прогремевшего Вэна Клайберна...

— Розины Левиной...

— Да. Тоже, как известно, эмигрантки из России. Ей к тому времени исполнилось 84 года, но она была прекрасным и очень авторитетным педагогом — однажды при мне ей звонил Рихтер, приехавший выступать в Нью-Йорк, и советовался, как исполнить какой-то пассаж у Шопена. Заботилась она обо мне, как родная бабушка. Так что, хотя я никогда не жила и не училась в России и не говорю по-русски, у меня стойкое ощущение, что моя душа самым тесным образом связана с вашей страной. И когда, сидя за столом жюри, я вижу над сценой огромный портрет Чайковского, я испытываю какое-то удивительное, непередаваемое чувство.

— А какие еще чувства вы испытываете за судейским столом? Вам приходилось спорить со своими коллегами?

— Да, конечно. Конкурс Чайковского — один из самых трудных в мире потому, что у него очень обширная, сложная и, главное, разнообразная программа. Далеко не каждый пианист, тем более молодой, может одинаково хорошо играть все. И вот что-то в исполнении конкурсанта производит на тебя настолько сильное впечатление, что не самое лучшее исполнение какого-то другого сочинения ты ему прощаешь. А твой коллега может не простить — у него иные

приоритеты, иной взгляд. Ничего удивительного: все мы — представители разных культур, и у каждого — свой темперамент. Впрочем, на Конкурсе Чайковского, как правило, выдерживается приоритет романтической музыки.

— Регламент нынешнего конкурса позволяет члену жюри судить выступление своего ученика при условии, что прошло три года с тех пор, как он перестал с ним заниматься. Выходит, трех лет вполне достаточно для того, чтобы охладеть к бывшему ученику и перестать интересоваться его судьбой?

— Это как раз идеальный вариант — "охладеть" настолько, чтобы не быть пристрастным. В нынешнем конкурсе участвуют и два бывших моих ученика. Разумеется, они мне не безразличны, но это не означает, что я буду к ним снисходительна. Я вообще умею быть строгой, особенно когда вижу, что мой бывший ученик, расставшись со мной, не сделал никакого прогресса, — зачем же я тогда его учила?

— Поскольку вы учились у Левиной, не считаете ли и себя последовательницей русской школы?

— Трудно сказать. Почему, слушая впервые, как Левина играет Второй концерт Рахманинова, я представляла себе не купола Василия Блаженного или что-то в таком же духе, а Эмпайер Стайт билдинг? Как это объяснить? Но сама по себе русская музыка значила и значит для меня очень многое. Во времена Карибского кризиса отношение к вашей стране в США, вы знаете, было более чем прохладным, а зайдешь в школу — и как будто попала в Россию. Отсюда, из каждого класса, льется русская музыка.

— Вам бы хотелось, чтобы ваша книга вышла на русском языке?

— Ни в коем случае! Она бы вызвала панику — я ведь написала не только то, что знает ваша широкая публика.

— Например?

— Нет-нет. Слава Богу, японский язык позволяет хранить тайну. Никаких примеров — все остается в секрете.

Беседу вела
Наталья ШАДРИНА